

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Шел январь 1945-го. Война неумолимо катилась к своему концу, победному для Советской Армии. Но здесь, в Польше, у небольшого населенного пункта близ деревни Старо-Седлеско, она продолжалась еще в своей суровой и кровавой беспощадности.

Фашистский батальон яростно сопротивлялся. Положение складывалось критическое. Командир батальона вызвал к себе младшего лейтенанта Вилара.

— Энрике, — сказал он, — от вашего взвода зависит успех операции. Со своими бойцами вы должны принять огонь на себя. Отвлек

фашистов от главного удара с тыла. Как поняли задание!

— Вас понял, товарищ командир, — ответил молоденький смуглый офицер.

Несколько раз дробь фашистского пулемета прерывала атаку взвода. Солдаты залегли. И тут Энрике крикнул бойцам:

— За мной, ребята! — и первым с пистолетом в руках бросился вперед. Не выдержав яростного натиска, фашисты дрогнули, побежали. В этом коротком и жестоком бою пал смертью храбрых офицер Советской Армии Энрике Вилар.

Кто он? Как оказался на фронте? Как вообще попал в Страну Советов? История Великой Отечественной войны знает немало примеров, когда вместе с советскими солдатами плечом к плечу сражались с фашизмом бойцы-интернационалисты: поляки и венгры, румыны и болгары, немцы и чехи. Было среди них немало и испанцев. Но Энрике Вилар, хотя и говорил по-испански, не был испанцем. Молодой лейтенант был с далекого острова Куба.

...Семья Энрике жила трудно и бедно. Отца мальчика, коммуниста Сесара Вилара, власти бросили за решетку. Мать, ее звали Карридад, выбивалась из сил, чтобы прокормить четверых детей. Что ожидало их в будущем? Нищета, унижения, тяжелый, рабский труд на господ. При жестоком режиме диктатуры детям коммуниста думать об учебе в школе было невыносимо.

В начале тридцатых годов молодая Страна Советов протянула руку помощи всем обездоленным. Друзья предложили Карридад послать семилетнего сына на учебу в Советскую Россию.

Что за новое, удивительное общество! Вместо постоянной враждебности — неизменное дружелюбие, забота и ласка. Жизнь и учеба началась в детском доме имени Клары Цеткин в Москве, а затем в интернациональной школе-интернате имени Е. Д. Стасовой в Иванове. Рядом за партами сидят такие же, как он; мальчики и девочки,

приехавшие сюда из самых разных стран мира. Их отцы и матери тоже работали в подполье, были активистами рабочего и профсоюзного движения.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, Энрике Вилару было шестнадцать. Он стал писать в военкомат одно заявление за другим с просьбой отправить его на фронт. Он должен был защищать свою новую родину. В военкомате ему отказывали: повзрослевших воспитанников интернациональной школы оберегали, как гостей. Лишь в 1944 году он все-таки добился своего. Юного кубинца направили в Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. А потом был фронт...

Всего лишь несколько месяцев не дожидаясь Энрике Вилар до Победы... Теперь имя славного сына Кубы, выбитое на гранитной доске, можно прочитать на военном кладбище близ польского города Бранево, где спят вечным сном тысячи советских воинов, и на стеле в Иванове...

...Москва, посольство Республики Куба. Торжественный прием. Пожилая кубинка вошла в просторную гостиную и услышала громкие аплодисменты собравшихся здесь людей. Женщина огляделась по сторонам и поняла: аплодисменты были предназначены ей. Этот прием в посольстве был организован в ее честь. От волнения она плохо запомнила, что говорили о ней и ее сыне. Поняла лишь одно: ее мальчик, ее Энрике был мужественным, храбрым человеком, и его не забыли.

Здесь, в посольстве, состоялась трогательная встреча Карридад с людьми, кото-

рых породнила друг с другом судьба ее сына. И с русской женщиной Серафимой Щербаковой из подмосковного города Калининграда, заменившей маленькому Энрике родную мать, и с последним его боевым командиром, бывшим комбатом, подполковником в отставке Михаилом Зуевым. Они говорили об Энрике, как будто он был где-то рядом, был живым. Они рассказывали Карридад о его привычках и о его друзьях, о чем он думал и о чем мечтал.

Карридад торопливо смахнула рукой слезу со щеки... — Мне жалко сына. Но я знаю: во всем виновата проклятая война. Я горжусь Энрике.

Весь разговор слово в слово с волнением переводила молодая кубинка Мария Гомес.

— Не знаю, как я перевела слова Карридад, — признается Мария Гомес. — Комок сдавил горло. Они еще долго сидели рядом, так и не разжав рук... Я отошла, понимая, что им лучше побыть одним. Единственное, о чем я в тот миг глубоко сожалела, что рядом со мной не было кинооператора... Ведь я собираюсь снять фильм об Энрике Виларе и его друге Альдо Виво.

Мария Гомес с детства мечтала стать актрисой. Обучалась актерскому мастерству в самодеятельном театре «Сентро Гальего» в Старой Гаване. С радостью узнала, что ей предстоит поехать на учебу в Москву. Молодая кубинка поступила во Всесоюзный государственный институт кинематографии. Но не на актерское отделение, как думала вначале, а на режиссерское.

Еще учась во ВГИКе, думая о будущих своих работах, Мария Гомес начала искать главную тему. Она поня-

ла: сегодня самое важное для нее — судьбы борцов, тех, кто прокладывает для других путь к торжеству свободы.

— Журналист Франсиско Гусман, друг моего отца, познакомил меня с удивительной супружеской парой, — рассказывает Мария Гомес. — Коммунист Мигель во время гражданской войны в Испании сражался на стороне республики, потом был одним из первых в рядах кубинской революции. И всюду за ним следовала его жена, верный товарищ — Пончита. Годы не виделись они, разделенные тюремными стенами, но остались верны друг другу. Когда Мигель вернулся из фашистского концлагеря, Пончита смотрела на него и не узнавала мужа, а он долго повторял: «Это я — Мигель». Эта фраза и стала названием документального фильма, который я сняла на кубинском телевидении.

Вскоре после того, как Мария задумала снять фильм о кубинских героях-интернационалистах — Энрике Виларе и его друге Альдо Виво, она узнала, что в Москве находится мать Вилара — Карридад. Мария твердо решила, что обязана присутствовать на встрече в кубинском посольстве.

— Их было шестнадцать, — говорит Мария Гомес. — Шестнадцать воспитанников интернациональной школы-интерната имени Е. Д. Стасовой в Иванове — тех, кто в годы Великой Отечественной войны отдал свои жизни в борьбе с фашизмом. Всем им я посвящаю фильм «Баллада об Энрике» — первую свою художественную ленту. Замысел этот мне доверили осуществить в Экспериментальном молодежном творческом объединении «Дебют» на киностудии «Мосфильм».

Мне было важно понять и

объяснить истоки того душевного подъема, который испытывали мои герои, когда без малейшего сомнения выступили на защиту идеалов своей новой родины. И эти истоки, как мне думается, брали свое начало прежде всего в воспитании в людях с юных лет твердых нравственных убеждений, ясного осознания добра и зла, чести и справедливости. Две родины соединились у моих героев в одну. У Фиделя Кастро есть такие слова: «Когда советский народ боролся и умирал в Ленинграде, в Москве, в Сталинграде, в Курске, в Берлине, он сражался и умирал также и за нас. Его герои — наши герои». Эта же мысль прозвучала и в устах испанского коммуниста Мигеля, с судьбой которого вы уже знакомы.

Энрике Вилар прожил короткую жизнь. Но она достойна жизни его отца-коммуниста. И он не хвастал, не преувеличивал, когда писал отцу на Кубу: «Ты борись за великое дело, а потом я приеду, и мы вместе будем бороться».

— Своих героев я нашла в школе для кубинских детей, родители которых сегодня живут и трудятся в Москве, — говорит Мария Гомес. — Что касается взрослых исполнителей, то я пригласила сниматься в фильме таких уже достаточно известных актеров, как Любовь Полехина, Наталья Аринбасарова, Николай Смирнов. Хочу сделать поэтическую ленту о прекрасных людях, отдавших свои жизни за счастье грядущих поколений, за счастье наших детей.

Юрий БЕЛКИН.

● Мария Гомес и исполнившая роли Энрике Вилара в детстве Исель Мафу.

Фото А. Соркина.